

Художникъ Л. Н. Голубевъ-Багрянородный

Въ Берлинѣ, на 45 году жизни умеръ и похороненъ на кладбищѣ художника Леонидъ Николаевичъ Голубевъ-Багрянородный.

Многіе, очень многіе, русскіе, разсѣявшіеся теперь изъ Германіи по бѣлу свѣту, еще дальше, куда глаза глядятъ — съ большой скорбью узнають о новой этой смерти сравнительно еще молодого, одареннаго человека. Многіе, очень многіе, русскіе берлинцы хорошо знали его — онъ былъ неотъемлемой частью русскаго Берлина, одной изъ колоритныхъ фигуръ ея.

Участникъ великой войны и Добровольческой арміи — еще въ тѣ годы лишился онъ здоровья: былъ контуженъ, страдалъ легкими. Потомъ эмиграція, сперва сказочный Кипръ, потомъ Берлинъ. И вотъ, въ тяжестяхъ его эмигрантскаго быта, Голубевъ-Багрянородный никогда, даже въ самыя, казалось, труднѣйшія минуты, не падалъ духомъ, а всегда являлся воплощеніемъ энергіи, дѣйствія. Человекъ несомненно одаренный, онъ зналъ удачи: работалъ на нѣмецкихъ сценахъ въ фильмѣ, съ успѣхомъ прошла, отмѣченная и нѣмецкой критикой, его выставка картинъ. Особенно интересны его карандашные портреты — цѣлая галлерей русскіхъ эмигрантскихъ писателей, артистовъ, общественныхъ дѣятелей — куда то дѣвалась теперь эта галлерей, имѣющая и большой чисто историческій интересъ. Не строившій иллюзіи относительно свое-

го здоровья, Голубевъ мечталъ, что послѣ его смерти попадетъ она въ Пражскій архивъ...

А въ промежуткѣ между сценой и портретами — кипѣлъ, казалось, еще больше: организовывалъ русскіхъ художниковъ, устраивалъ балы, собранія...

Это были удачи, а неудачи пошли отъ того, отъ чего часто бываетъ бѣда русскому человеку — отъ вина. Оно кружило голову все больше, несмотря на увѣщанія друзей, на предупрежденія докторовъ.

Уже прошли удачи и вспоминались, какъ сказка, какъ золотой Кипръ — послѣдніе годы художникъ зарабатывалъ тѣмъ, что ходилъ по пивнымъ и за марку, а то за половину ея, а то и за коньякъ и кружку пива — рисовалъ портреты поѣздителей. И самъ пилъ все больше и больше.

Но удивительно — и въ эти свои послѣдніе годы никогда не терялъ своего благодушія, никогда не унывалъ, шутилъ, и вотъ, пишутъ мнѣ, въ вечеръ наканунѣ смерти, въ больницѣ — составлялъ о себѣ шуточные некрологи. Легкая душа. Легко онъ прожилъ, легко и умеръ отъ разрыва сердца...

Одной близкой могилой въ Тегель стало больше.

Не одинъ я, многіе, очень многіе, вздохнуть: миръ твоему праху, милый художникъ.

Ю. Офросимовъ.